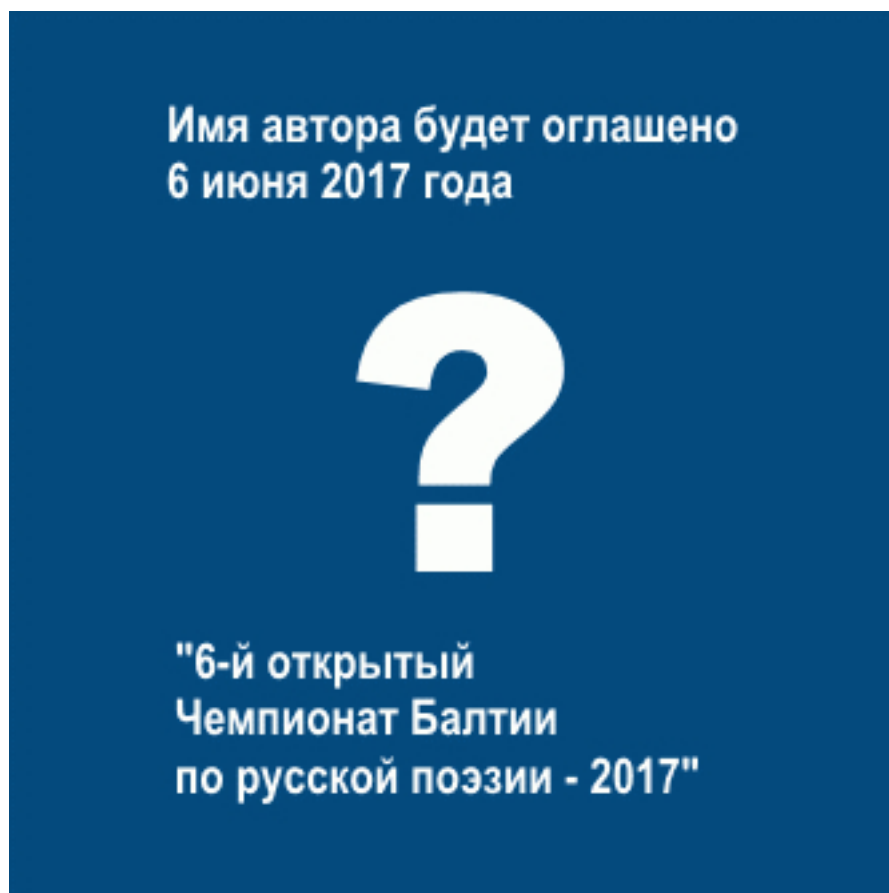

Имя автора будет оглашено в Итоговом протоколе конкурса.

Колыбельная

Юлии Д.

□

□ □ □ □ "Ветер подует, качнется ель.

□ □ □ □ Упадет колыбелька с вершины, а с ней -

□ □ □ □ Младенец и мама, и вся дребедень".

Анна качает, шагает по струнке стиха.

Анна сделана из стекла,

Позвоночник - стеклянный штырь.

Анна, не спи, не спи.

В древесине перил колыбели

След оставляют прозрачные ногти.

Лампочек луны восходят, заходят.

Анна немеет на койке казенной,

Плачет дитя на высокой ноте.

Анна сделана из стекла,
Позвякивает с каждым шагом.
Анна, не спи. Разобьется вот-вот
Стекляшка, мадонна общаги,
В трещинах рот.

Просвечена материнства диетой,
Смотрит в окно, выходящее в рай,
Полный выигрышных билетов.
Качай.

Рай – это место, из которого нет возврата.
У ворот предъяви материнства штампы.
Анна, два дня из родильной палаты,
Только узнала, что мамы
Детей измеряют болью,
Но боль – это тоже гостинец от Б-га.
Анна, вечная колыбель у колена,
Анна, не спи, говорит тревога.

* * *

Верила ей безусловно
до пятнадцати с половиной;
если случалось курить в подворотне,
сама приходила с повинной.
Потом обрыдло.
Она сводила меня с ума,
стирала вместе белое и цветное,
выбрасывала инструкции и запасные детали,
оставляла бессмыслицу,
обертку или коробочку в хламе.
Тайком ненавидя поэзию,
восторгалась ненатурально моими стихами;
не замечала ни бунта, ни эпатажа.
Я же стала мамой наоборот.
Я боюсь, что мой сын, сейчас или через год,
кому-то расскажет:

"Цветное не стирала, и белое тоже,
Ни во что не влезала, даже и не пыталась.
Представляла себя принцессой в каком-нибудь бельетаже,
зрительницей в ложе.
Больше всего любила пыльные книги. Мне досталась самая малость".

Непростившая мать становится непощенной,
Соглашаются Фрейд и Винникотт.

Попутчики

Ваше имя - мозаика:
миньонное, хамелеонное, укороченное,
наспех, стыдливо сколоченное из имен тех,
которые - не жильцы,
обработанное Бобруйском,
сжатое Жмеринкой
во что-нибудь поприличней/безличней,
имя, презируемое миллионами.
Ваше имя складывалось из чего придется
(Паспортистка: -Быстрее! Как это пишется?).
Куда бы Вы с ним ни приезжали,
Вас приглашали в миньян.
Имя взвизгивало натужно,
как старческий ишиас пылесоса,
Собиралось, как гроза, на кончике языка.
Вам не повезло с ним, зайчика.

Мое носилось намного лучше,
сведенное до минимума эмиграцией,
чтоб не морочить произносивших,
вот только фамилия/феерия
с бесстыдством ржавого лезвия
резала губы,
нарывалась на грубость.
Я напоминала о Смеральдине или носатом докторе,
но не из дель арте, а из чумного гетто.
Вам неудобно со мной, попутчик?

Ваше - брутто, мое же - нетто.
Мы зажаты в брутальном "не то",
в едком аммониевом сне,
Но, как Б-г, не выдаст, как Вергилий, спасет меня
пахучий паспорт из нового кожзаменителя.
Паспорт набит, как чемодан,
новыми, стертыми, полузабытыми,
ненужными и лестными данными,
результатами высоколобых экзаменов.
Мелкою вязью: То ли born, то ли burn, здесь неразборчиво.
В этом паспорте не упоминается главное:
лава сейсмосемитизма,
возможность такого вагона,

равнодушного к моему нраву,
моему на что бы то ни было праву.
Вагон прорезает воздушное поле снов,
вертикально взлетая с полосы нежитого мною года.

Экскурсия по объединенной империи Холокоста
начинается в чудном местечке, вроде Кельце,
где жителям безразличен скрипучий паспорт,
мое имя-обновка, Ваш недавний насморк,
где метят в утробу и сердце,
кроша кости.
Что, проживать это снова непросто?
Поезд выписывает дымный круг, заходит на посадку.
В каждом наследственном сейфе отыщешь подобный сон.
Просыпаюсь. Паспорт пока на столе,
над садом кружится шмель.
Мой неизвестный попутчик
где-нибудь уже запрыгивает в отлетающий вагон.

Олег Евгеньевич Понкин

СП